

ПРИНЦИПЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРБОВ

Отфразеологические лексические дериваты (ОЛД) получили в современном русском языке широкое распространение как языковые средства, позволяющие достигнуть краткости изложения, повысить его экспрессивность, снизить стилистическую маркированность высказывания. По выражению А. Пстыги, «отфразеологические дериваты занимают существенное место в языковой картине мира россиян», потому что «именно они, заключая в себе национально-культурную специфику, отражая мировоззренческие знания говорящих на русском языке, эмоциональные и ценностные отношения к обозначаемому определённым словом, за которым скрывается полный образ и полная форма мотивирующего фразеологизма» [15, 172–173].

Среди ОЛД особое место занимают универбы – производные, семантически тождественные или близкие производящим фразеологизмам. Универбам присуща более высокая степень идиоматичности значения, чем исходным фразеологическим единицам, связанная с формальными потерями, характером дериватора, развитой омонимией среди универбов разного происхождения и т. д. Универбы обслуживают преимущественно разговорную речь, многие из них имеют сниженный характер. Унаследованная от фразеологизма и приобретённая в процессе универбации экспрессивность составляет основу богатых эмоционально-оценочных (преимущественно пейоративно-оценочных) возможностей этих слов, что в целом создаёт коннотативный компонент их значений.

Анализ этого пласта русской лексики, на наш взгляд, был бы неполным без его идеографической систематизации, под которой понимаем выделение в нём определённых микросистем, представление открытого множества единиц в форме тех или иных классов, групп, подгрупп и т. д.

В лексиконе человека разграничиваются, как известно, три крупных идеографических класса: «Человек», «Живой мир», «Неживой мир» (с натурфактами разных видов) [5, 12–13]. Кроме количественно преобладающих прямых обозначений человека как существа биологического, социального и духовного (антропоморфной лексики), словарный состав языка богат названиями артефактов – реалий, созданных руками человека, а также «артепризнаков», «артепроцессов» и других явлений, так или иначе связанных с человеком.

Исследуя тематическую группу «Человек» в русских арго, В. Бондалетов заметил, что входящая в неё лексика «многовариантна, синонимично-дублетна, представлена типичными для русского языка способами словопроизводства, устойчива во времени, богата экспрессивно-эмоциональными оттенками, ...поэтому по-своему образна и эмоциональна» [5, 13]. Указанные признаки (за исключением, пожалуй, устойчивости во времени) характерны и для фразеологических универбов, составляющих свою, своеобразную картину мира, требующую всестороннего изучения и описания. Статья посвящена обоснованию необходимости и принципам систематизации этого пласта лексики.

Целесообразность идеографической классификации языкового материала неоднократно подчёркивалась фразеографами и лексикографами (см. работы Д. О. Добровольского, Ю. Н. Караулова, В. В. Морковкина, Т. Г. Никитиной, Ю. Ф. Прадида, Ю. П. Солодуба, В. Н. Телия и др.). В современных словарях всё чаще применяется полевой (тематический) принцип систематизации материала. Так, формируя «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В. Н. Телия, авторский коллектив руководствовался установкой представить фразеологизмы, «характерные для 16-ти тематических, идеографически, т. е. понятийно, выделенных полей наивно-языковой картины мира... таких, например, как внутренние, внешние свойства человека, его социальные характеристики, физические и интеллектуальные состояния и действия, чувства-состояния и чувства-отношения, деятельность человека, его поведение, в том числе речевое, бедность и богатство, характеристика стереотипных ситуаций, пространство, время, мера и др.» [4, 777]. Подобным образом построены «Тематический словарь русского языка» под ред. В. В. Морковкина (М., 2000), «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой (М., 2002), «Толково-понятийный словарь русского языка» А. А. Шушкова (М., 2003). Описанию одной из важнейших макрогрупп русской диалектной фразеологии посвящён словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» [1].

Распределение по семантическим группам и подгруппам не обошли вниманием исследователи универбации. Практически любой серьёзный анализ содержит лексико-семантическую классификацию с той или иной степенью широты охвата универбов, филиации значений.

Так, авторы «Краткой русской грамматики» отметили, что суффиксальные универбы называют «неодушевлённый предмет – носитель признака»: *плётёнка, ночник, парусник, сорняк*; «помещение / пространство / территорию / область – носитель признака»: *подсобка, боковушка*; «вещество или совокупность однородных предметов, явлений – носитель признака»: *зелёнка, взрывчатка, сгущёнка, газировка* и т. д. [11].

Классификацию *ка*-универбов по значению находим в работе Л. А. Капанадзе, который выделяет следующие конкретные лексико-семантические группы (ЛСГ): названия круп и каш (*гречка, овсянка, перловка*); помещение по действию, в нём совершаемому, или по лицу, в нём работающему: (*дежурка, мойка, прорабка, слесарка*); названия официальных бумаг, документов (*зачётка, пенсионка, похоронка*); названия площадей, зданий, больниц, библиотек и т. п. (*Академка, Новобасманка, Таганка, Третьякова*) [10, 37].

Более подробный перечень представлен в работах Л. И. Осиповой. Проанализировав семантику «скрытых» (эллиптированных) компонентов в структуре суффиксальных производных с конкретным (предметным) значением, она перечислила и описала более 20 тематических групп и подгрупп, для которых характерна тенденция к регулярности включённого значения, квалифицированного автором как «частное словообразовательное», – например, «названия дорог»: *бетонка* от *бетонная дорога*; «названия различных помещений, в т. ч. специального назначения»: *атомка* от *атомная электростанция*; «одежда, обувь»: *дублёнка, кроссовки*; «кушанье, напиток»: *газировка, запеканка, овсянка* и др. [13, 18]. По мнению автора, в отличие от единиц с предметным значением, «суффиксальные универбы с непредметной семантикой не образуют ЛСГ и обладают более высокой степенью идиоматичности» [14, 67].

Украинисты предложили свои варианты распределения универбов по тематическим и лексико-семантическим группам и подгруппам. Так, И. М. Думчак отметил, что для украинского языка характерно многообразие способов «свёртывания» устойчивых словосочетаний в слово-универб, и представил типологию ЛСГ в связи со способами универбации (суффиксальная, эллиптическая, основосложение, сращение, аббревиация). Он установил, что суффиксальные производные называют продукты питания и напитки (*кров'янка – кров'яна ковбаса*); орудия труда (*маховик – махове колесо*); место и помещение (*лугівка – лугова річка, висотка – висотний будинок*); растения и продукты их переработки (*ночниця – нічна фіалка, борщовик – борщовий буряк*), а также посуду и вместительность для чего-либо, транспортные средства, предметы одежды, вещества, книги, газеты, журналы, документы; деньги; лиц по их внутренним качествам (*безталанник, марнотратниця*), внешним признакам (*смаглявка, здоров'як*), роду деятельности, профессии, занятиям (*сезонник, транзитник*), социальному статусу (*карник, неможник*), возрасту (*сімнадцятка, молодайка*); птиц и домашних животных: *ялівка, корінник, чубаня, сизяк* и т. д. Универбы – композиты и аббревиатуры образуют свои «специфичные» ЛСГ: названия органов государственного управления (*сілярда*), общественных и художественных объединений (*профспілка, літгурток*) [8, 9–11].

Н. Дьячок, помимо указанных ЛСГ, выделяет «названия оружия» и «названия обуви», а «названия животных и птиц» дифференцирует по «породе», «масти», «индивидуальным признакам». Исследователь, несомненно, права в том, что предложенная ею классификация не универсальна, так как универбы «спроможні об'єднуватися у певні групи залежно від тих критеріїв, які висуває і обґрунтовує дослідник» [9]. Уточним: не универбы «способны объединяться в группы», а исследователь может объединить их в те или иные ЛСГ, основываясь на собственных обоснованных критериях.

Признавая условность любой авторской классификации, считаем необходимым для полноты описания данного пласта лексики выделить в нём основные смысловые классы, подклассы, группы и подгруппы универбов. При этом будем учитывать актуальную для фразеологической универбации шкалу оценочности, коннотативный «шлейф» универбов.

Подобно тому как «в ведении фразеологической семантики оказываются объекты и “беспристрастного” (не содержащие ценностно-оценочного) и “пристрастного” отражения окружающего мира» [2, 84–85], фразеологические универбы могут наследовать и нейтральность, и оценочность исходных единиц. Характер оценочности, по нашим наблюдениям, отражает общеязыковую тенденцию: пейоративных номинаций среди универбов гораздо больше, чем мелиоративных.

«Аксиологическая асимметрия» русского языка прослеживается на всех его уровнях. По выражению Н. Д. Арутюновой, «аномальные явления представлены несравненно более богато и разнообразно, чем нормативные. Язык склонен скорее обвинять человека, чем подчёркивать его соответствие норме» [3, 70]. Факт преобладания в диалектной речи фразеологизмов, отрицательно характеризующих человека, О. И. Литвинникова связывает не только с функциональной природой этих единиц, но и с тем, что «русские самокритичны, ... им как представителям русского менталитета присуще «смеховое» отношение к реалиям» [12, 222]. Вывод справедлив и по отношению к лексике. Л. Г. Смирнова в монографии «Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке» также подчеркнула, что пласту оценочно маркированной лексики

свойственна весьма наглядная асимметрия, «приблизительно трёхкратное количественное превосходство отрицательно маркированной лексики». Русский язык, по мнению автора, «поощряет негативные характеристики человека и реалий, его окружающих, в большей мере, чем позитивные» [16, 89].

Необходимо учитывать и то, что лексика и фразеология неодинаково отражают мир. Об этом пишет Х. Вальтер, подчёркивая, что «во фразеологическом зеркале человеческое познание помогает расставить именно те ценностные акценты, которые увидены социумом и стали своеобразными национальными и языковыми стереотипами» [6, 43]. Л. И. Степанова, развивая эту мысль, замечает: «Сетка ценностно-смысловых координат языковой картины мира заполнена лексемами и фраземами не одинаково: если лексика называет все объекты и события мира человека, то фразеология совершенно игнорирует многие технические и абстрактные понятия (например, космос, химия и т. п.) и, наоборот, образует длинные синонимические ряды в отражении таких понятий, как глупость, пьянство, лень и т. п. В этом отражается антропоцентрический характер фразеологии и её тяготение к фокусированию на негативных характеристиках отражаемого явления» [17, 39].

Заметим, что не все универбы (как, впрочем, и другие оценочные слова) обладают эксплицитной оценочностью, то есть определённой для всех носителей языка знаками «плюс» или «минус». Некоторые из них оценочно амбивалентны (термин Л. Г. Смирновой), т. е. способны реализовать в разных контекстах то положительную, то отрицательную оценку. Например, амбивалентны названия лиц, в основу которых положены такие качества, как возраст, непоседливость, ловкость, бойкость, озорство, социальное положение. Так, в одних контекстах *одуванчик* (божий одуванчик), *саврас* (саврас без узды) – люди, требующие внимания или снисхождения, *шишка* (шишка на ровном месте) – важный, уважаемый человек; в других эти слова воспринимаются как иронические или резко пейоративные наименования. Это же справедливо в отношении некоторых существительных, означающих неживые предметы (*самоуглубление* – углубление в самого себя, *слабонервие* – слабые нервы), прилагательных (*беспятиминутный* – без пяти минут, *безвестный* – без вести пропавший), глаголов (*наструниться* – вытянуться в струнку, *дрейфовать* – лежать в дрейфе) и т. д. Амбивалентность может охватывать также оппозиции «нейтральность – мелиоративность», «нейтральность – пейоративность». Потому нейтральные и позитивно-оценочные единицы как незначительно представленные среди фразеологических универбов объединяем в один оценочный подкласс «нейтральных и позитивно-оценочных», выделяемый в каждом семантико-грамматическом классе универбов.

Оценочный подкласс, в свою очередь, распадается на тематические группы, сформированные по общности предметов и явлений действительности, обозначаемых универбами; в тематические группы входят соответствующие ЛСГ. При выделении тематических групп и ЛСГ исходим из положений, отстаиваемых в работе Р. И. Гафаровой «Суффиксальные универбы русского языка: семантика, деривационные отношения»: в лексико-семантические группы объединяются слова по лексическому значению, тогда как тематические группы составляются по общности предметов и явлений действительности, обозначаемых словами [7, 146].

Так создаётся иерархическая структура классификации, где каждый следующий уровень подчинён предыдущему: **семантико-грамматический класс** (глагольные, субстантивные, адвербиальные, категории состояния, адъективные, модальные и междометные) – **оценочный подкласс** (А. Негативно-оценочные; Б. Нейтральные и позитивно-оценочные) – **тематическая группа** (например, у существительных: 1. Наименования лица; 2. Наименования неживых предметов) – **лексико-семантическая группа** (к примеру, в тематической группе 1. Наименования лица – ЛСГ: «по внутренним качествам», «по роду деятельности», «по социальному статусу», «по возрасту»).

Оценочный подкласс нейтральных и позитивно-оценочных универбов распределяется по группам и маркируется шифрами соответствующих негативно-оценочных ЛСГ (классификационный признак остается тем же, меняется только знак оценки).

При универбе или нескольких универбах в случае необходимости приводится краткая информация о значении, актуальном для данной группы (например, *орешек* – стойкий, мужественный человек). Многозначные универбы могут «расписываться» по нескольким группам и подгруппам.

Идеографическую систематизацию универбов рассматриваем как заключительный этап характеристики процесса и результатов универбации фразеологизмов того или иного семантико-грамматического класса.

Список використаних джерел

1. Алексеенко М. А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – М. : «Азбуковник», 2003. – 400 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Элпис, 2008. – 271 с.

3. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Языки этики. – М. : Наука, 2000. – С. 54–78.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
5. Бондалетов В. Человек в русских аргосах / В. Бондалетов // Slowo. Tekst. Czas VIII. Materialy VIII Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 27–28 maja 2005 r. / pod red. Michaila Aleksiejenki i Mirosławy Hordy. – Szczecin 2005. – S. 10–21.
6. Вальтер Х. Культурно-познавательная ценность фразеологических анимализмов (немецкие ФЕ с компонентом Hund) / Х. Вальтер // Функциональная лингвистика : науч. журнал / Крымский респ. ин-т последипломного педагогического образования. – 2010. – № 1. – Т. 2. – С. 43–54.
7. Гафарова Р. И. Суффиксальные универбы русского языка: семантика, деривационные отношения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 – русский язык. – Харьков, 2000. – 178 с.
8. Думчак І. М. Універбація в українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 – українська мова / І. М. Думчак. – Івано-Франківськ, 1998. – 16 с.
9. Дьячок Н. В. Особливості номіналем типу «Словосполучення + еліптичний універб» в російській мові: лексико-семантичні та тематичні групи універбів [Електронний ресурс] / Н. В. Дьячок. – Режим доступа: www/nbu.gov.ua/portal/soc_gum/N2/89_4/statti/05.pdf.
10. Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные труды по русскому языку / Л. А. Капанадзе. – М., 2005. – 334 с.
11. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, В. Н. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др. ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : Рус. яз., 1989. – 726 с.
12. Литвинникова О. И. Фразеология семантического поля «человек» в русской народной речи / О. И. Литвинникова // Фразеология, познание и культура : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сентября 2010 года) : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 218–223.
13. Осипова Л. И. Суффиксальная универбація как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи / Л. И. Осипова // Русский язык: исторические судьбы и современность : сб. тез. Второго междунар. конгресса исследователей русского языка. – М., 2004. – С. 17–18.
14. Осипова Л. И. Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке / Л. И. Осипова // Филологические науки. – 1991. – № 5. – С. 61–69.
15. Пстыга А. Человек – по данным Словаря отфразеологической лексики современного русского языка / А. Пстыга // Slowo. Tekst. Czas VIII. Materialy VIII Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 27–28 maja 2005 r. / pod red. Michaila Aleksiejenki i Mirosławy Hordy. – Szczecin 2005. – S. 169–173.
16. Смирнова Л. Г. Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке [Монография] / Л. Г. Смирнова. – Смоленск, 2008. – 268 с.
17. Степанова Л. И. Семантические архаизмы и фразеологическая картина мира / Л. И. Степанова // Функциональная лингвистика : науч. журнал / Крымский респ. ин-т последипл. пед. образования. – 2010. – № 1. – Т. 2. – С. 39–42.

***Анотація.** У статті на основі аналізу різних підходів визначено принципи ідеографічної систематизації фразеологічних універбів. Задля вичерпного опису даного шару лексики пропонується виділити в ньому класи, підкласи та групи універбів, беручи до уваги актуальну для фразеологічної універбації шкалу оцінності та конотативні нашарування похідних слів.*

***Ключові слова:** ідеографічна систематизація, універб, семантико-граматичний клас, оцінний підклас, тематична група, лексико-семантична група.*

***Summary.** In the article the main principles of ideographic classification of univerbs have been defined on the basis of different approaches. Taking into account the axiological scale and new connotative shades of derivatives the author suggests to point out different classes, subclasses and groups within this lexical layer. The very method used is very actual for the detailed description of univerbs.*

***Key words:** ideographic systematization, univerb, semantic-grammatical class, axiological subclass, thematic group, lexical-semantic class.*